

Участники и гости фестиваля обсудили проблемы культурной и архитектурной преемственности, связи истории городов и современного их состояния, судьбу архитектурных памятников XX века. Рассматривались вопросы традиций и инноваций в социальной и архитектурной практике, говорили о статусе памятников XX века и их сохранении.

Ключевые слова: традиция; история архитектуры; проектирование; архитектурные памятники; реставрация; архитектурные нормы; региональные школы./

Participants and guests of the Festival discussed the problems of cultural and architectural succession, the relationship between the history of cities and their current state, and the fate of architectural monuments of the 20th century. They touched upon the issues of traditions and innovations in the social and architectural practices and spoke about the status of the monuments of the 20th century and their preservation.

Keywords: tradition; history of architecture; design; architectural monuments; restoration; architectural norms; regional schools.

Дискуссионный клуб. Преемственность / Discussion Club. Succession

В рамках фестиваля ЗВС–XX 25 сентября 2020 в Доме архитектора прошел традиционный Дискуссионный клуб по главной теме фестиваля.

Модератор: Елена Григорьева, архитектор, издатель и главный редактор журнала ПРОЕКТ БАЙКАЛ (Иркутск)

Спикеры: Петр Анисифоров, вице-президент Союза архитекторов России, председатель Алтайской организации САР (Барнаул); Виталий Барышников, заместитель мэра Иркутска; Александр Гимельштейн, главный редактор газеты «Восточно-Сибирская правда», профессор, заведующий кафедрой журналистики и медиаменеджмента ИГУ (Иркутск); Сергей Зыков, председатель правления Кемеровской организации СА России; Эдуард Кубенский, архитектор, директор и главный редактор издательства «ТАТЛИН» (Екатеринбург); Алексей Куковякин, архитектор (Екатеринбург); Андрей Макаров, архитектор, руководитель Сибирского отделения МААМ (Иркутск); Александр Седиков, член правления Томской региональной организации СА России, член президиума Союза реставраторов Томской области; Марина Ткачева, кандидат философских наук, культуролог (Иркутск); Валерий Цой, член правления Новокузнецкой организации СА России; Николай Шумаков, президент Союза архитекторов России (Москва)

Елена Григорьева Тема преемственности, безусловно, связана с девизом юбилейного фестиваля ЗВС «Во времени»; она имеет отношение и к теме Международного архитектурного фестиваля «Зодчество 2020» – «Вечность». Мы вступаем в третье десятилетие третьего тысячелетия нашей эры, и уже выросло поколение тех, чей год рождения начинается с цифры 2. До сих пор существуют две противоположные точки зрения в осмыслении текущего момента. Согласно одной, предыдущие десять веков со всеми своими достижениями, катастрофами и противостояниями остались в прошлом. А все, что случилось до рубежа тысячелетий, может интересовать только историков. Снова есть попытки скинуть прошлое с корабля современности. Другая точка зрения, которой придерживаемся и мы, была объявлена в манифесте журнала «Проект Байкал»: «Новый век не начнется, пока не освоит, не осознает и не впитает наследие предыдущего века с его

взлетами и провалами. Можно с ними бороться, а можно им следовать, но игнорировать их нельзя. Иначе нас ждет неизбежное одичание, социальные катастрофы, гибридные гражданские войны». В Иркутске высоким взлетом градостроительной мысли прошлого века отличились выпуски журнала «Проект Байкал», целые блоки и статьи в других номерах. Масштабные и новаторские идеи, лежащие в основе Байкальского луча, Зеленого диаметра, культурного центра и сегодня сохраняют актуальность. И наш 130-й квартал подтверждает эту актуальность; он неразрывно связан с идеями шестидесятников – это как раз пересечение Зеленого диаметра и Байкальского луча.

В английском языке слова «преемственность» и «успех» являются однокоренными.

Случайно ли это или все же преемственность является залогом успеха?

Николай Шумаков Как вам кажется, ваши прославленные шестидесятники знали слово преемственность? Или они категорически не принимали его?

ЕГ Очень интересный вопрос. Поскольку они – преемники традиций авангарда, в какой то мере они должны отвергать другие составляющие нашей истории, например, гипертрофированное количество деревянного наследия в Иркутске. Но на деле (а мы же судим по делам) получается наоборот. Именно благодаря действиям шестидесятников – мэра Николая Салацкого, главного архитектора города Владимира Буха, главного архитектора области Виктора Шматкова, лидера архитектурной школы практикующего архитектора Владимира Павлова исторический центр Иркутска остался сохраненным в его деревянном и старом каменном исполнении; его не постигла судьба некоторых сибирских городов, где в центр вошла панельная застройка и уничтожила историю. Они приняли такое решение: в историческом центре не должны появляться типовые дома, но только здания по индивидуальным проектам. А поскольку индивидуальные проекты согласовывались через Госстрой, Госплан, и т. д., то есть через столицу, и процесс их утверждения был затруднен, исторический центр Иркутска сохранился.

подготовка текста
Марина Ткачева,
Евгения Сурикова /
text prepared by
Marina Tkacheva,
Evgeniya Surikova

фото предоставлены
оргкомитетом фестиваля

Такая градостроительная политика обернулась во благо Иркутска, сохранив его идентичность.

Андрей Макаров Выставку Павлова мы начали с «Дома рыбака»; это рубленый «в лапу» деревянный дом на Байкальском тракте, который, к сожалению, уничтожен пожаром. Павлов гордился этим домом, и пожар был для него личной трагедией. В этом доме были заложены основные принципы формообразования не только отдельных объектов, но и градостроительных структур, реализованных им в дальнейшем.

НШ Я, напротив, считаю, что у шестидесятников просто не дошли руки до кардинальной перестройки Иркутска. У них были другие задачи, и время прошло: кто занялся более преемственной архитектурой, а кому хватило сил только достроить то, что было задумано в 60-е годы. Когда человек хочет сделать что-то свое, кардинально отличающееся от предыдущей архитектуры, он употребляет слово «преемственность», чтобы не травмировать общество, себя и других архитекторов. Тогда ситуация успокаивается, и, пользуясь моментом, новатор реализует все, что ему хочется. Если человек не имеет амбиций и азарта, то профессия архитектора не для него. Для того, чтобы делать хорошую качественную архитектуру, необходимо перевернуть все с ног на голову, уйти от преемственности, когда повторялись типовые проекты, но мы ссылаемся на традицию.

Эдуард Кубенский Вы, Николай Иванович, проектируете станции метро. Но в метро невозможно без преемственности: ветка продолжается. Это как времена года. Представьте, что они превратились в эпохи. Мы живем в эпоху весны. Предыдущая Весна – 1895–1925 гг.; 30 лет. В 1895 г. братья Люмьер показали кино, люди с лошадей пересели на машины, стали летать, рисовать черные квадраты, строить всякие башни и т. д. До этого была техническая революция, которая позволила сделать шаги во всех областях. Весна закончилась в 1925 г. В России это совпало с политическими эпохами: первая Весна – это Николай II и Ленин, Летом приходит к власти Сталин. До 1953–1955 – жара: самая большая война, самая большая бомба, ВДНХ; Лето – это урожай. Заканчивается все указом Хрущева о борьбе с излишества-

ми – это не что иное, как начало Осени. Надо готовиться к Зиме, всех «к 2000-му году расселить по отдельным квартирам» и во чтобы-то ни стоило добраться до коммунизма. В 1960-х годах была временная оттепель, такую оттепель осенью обычно называют бабьим летом. Хрущев и Брежнев – это Осень; чем дальше, тем серее и серее. Закончилась Осень в 1985 году с приходом Горбачева. Большинство подумало, что пришла новая Весна (в том числе и я), но после Осени всегда приходит Зима – так устроена природа. Зима располагает к технологическим революциям (вспомните Зиму конца XIX века): придумываются всякие интернеты и гаджеты, карбоны и другие нанотехнологии. Зима способствует развитию литературы: все сидят дома и что-нибудь строчат. Зима – эпоха постмодернизма. По моей теории, это все должно было закончиться в 2015 году. И единственное оправдание тому, что она еще идет – зима в России затяжная, но Весна придет, обязательно придет, верите вы в это или нет. Преемственность надо понимать не в прямом смысле, а в умении слушать и слышать окружающее, во внимании к предыдущим поколениям. В этом заключается преемственность, а не в формах и не в том, чтобы все сохранить и оставить нетронутым; в этом естественном процессе рождения и вымирания ничего ужасного нет.

ЕГ Именно Эдуард в свое время отметил, что Владимир Павлов чуть ли не единственный из всех модернистов обратил внимание на дерево как материал для современной архитектуры и сделал «Дом рыбака». Сегодня не случайно на столе у спикеров лежит журнал «Проект Байкал» с темой «Региональные школы». В своей статье аналитик советского модернизма Алла Корзун сформулировала павловские приемы, которые имеют отношение к преемственности: «Дробление крупной современной формы на более мелкие части с добавлением указателей масштаба, соизмеримых с человеком». В стандартной архитектуре того времени это не было принято. «В основном это были тщательно проработанные детали фасадов, конструктивные узлы, водостоки, вынесенные наружу лестницы, входы, фрагменты крыш», – мы это все видели вчера на экскурсии, когда подъезжали к дому-кораблю в Солнечном.

Александр Гимельштейн Я поймал четко выраженную в истории Эдуарда мысль и совершенно с ней согласен: преемственность, в отличие от традиционализма, включает и отрицание. Традиционализм – это восприятие, а преемственность – это учет предыдущего опыта, которое может перейти в отвержение. Главное, чтобы было что отвергать, и тогда имеет место процесс преемственности.

ЕГ Это некий дуализм? Диалектика?

АГ Да.

Марина Ткачева Сохранение и отрицание – аверс и реверс одной медали, и здесь одно без другого никогда не существует, не существовало и существовать не может. Очевидно, выделяются отдельные фрагменты, которые нам нравятся и которые мы ценим именно как опору для старта, будущего азарта и амбиций. У меня ощущение, что сейчас ценность архитектуры XIX века – это чувствуется и по настроению города. Вчера посмотрела выставку в музее, которая открылась одновременно с нашим фестивалем, и поняла, что для большинства художников город – в первую очередь старые каменные и культовые здания, деревянная архитектура, хотя бы и деформированная сообразно художественным приемам разных мастеров. Почти нет одобрительного художественного отношения к современной архитектуре. Нигде нет Павлова, Киселева и других мастеров из этой команды. Они оказались вне поля зрения художников. Так как художники являются своеобразным концентратом массового сознания, они это сознание иногда и формируют. Усилия архитекторов по продвижению архитектуры XX века мне представляются актуальными именно потому, что такая пропаганда сейчас становится возможной благодаря более универсальным и всеобъемлющим технологиям.

НШ Так это же и есть преемственность! Без этого архитектура вообще не может развиваться. Насчет художников абсолютно понятно: художников я знаю прекрасно; чтобы на холст перенести современную архитектуру, нужны линейка и твердая рука, а у них то и другое отсутствует. К сожалению, художники – не пример: они так пишут,

потому что по-другому делать не могут. Для изображения современной архитектуры нужна твердая рука и должно быть что-то в голове.

ЭК Я не соглашусь с тем, что молодежь не интересуется XX веком, потому что в социальных сетях есть аккаунты молодых людей, которые боготворят советский модернизм. Это люди, родившиеся в конце XX – начале XXI веков, студенты сегодняшних институтов. Они родились Зимой и сейчас, когда на дворе Весна, они словно заново открывают мир: раньше они видели «сугробы» и «торчащие из них палки», а теперь видят, что под сугробами растет трава а палки расцветают. Весна образно очень похожа на Осень; там те же самые палки, только с опавшими листьями. Что Весна, что Осень – примерно одно и то же, образное сознание объединяет эти две эпохи.

ЕГ Я не вполне согласна с Мариной. Относительно недавно была выставка графика Олега Беседина, громкого защитника деревянной архитектуры исторического Иркутска. Но на его выставке я насчитала и несколько объектов современной архитектуры, что меня удивило и порадовало. Владимир Петрович Авксентюк, участник нашего фестиваля из Новосибирска – автор графических работ по современной архитектуре; в его интерпретации она живая, теплая и одухотворенная.

ЭК Ни один серьезный исследователь не отвергает Жолтовского и Щусева. У Леонида Павлова есть статья «В защиту Жолтовского»; когда были нападки на неоклассицизм, он объяснял, что дело не в формах и не в стилях, а в прочтении и понимании этой архитектуры.

НШ Как тебе представляется судьба хрущевских пятиэтажек с точки зрения преемственности?

ЭК Я бы ничего не делал, все идеально. Сейчас квартиры по 38 кв. м хуже, чем хрущевки, которые тоже имеют право на жизнь. Хрущевки – это строительство «зимнего» периода, и в них я вижу природный фактор преемственности.

АМ Каждый день мы рассуждаем о «Памяти предков», забывая, что эта память на улицах наших городов. Преемственность обнаруживается во всем – и в отрицании,

и в копировании. Пропорции отрицания и похвасты на разных территориях разные в тот или иной отрезок времени. Поэтому и города у нас разные: Иркутск, Красноярск, Екатеринбург, Томск...

Сергей Зыков Один из восточных философов говорил: «ученик должен убить своего учителя». Не в буквальном смысле, конечно. Я думаю, что это бывает у всех. До сорока ты их методично «убиваешь», а после приходит понимание того, что прошлое – учителя, родители – все равно являются частью тебя, и ты, вольно или невольно, повторяешь их ошибки либо подвиги. Отрицание позволяет осознать преемственность.

ЕГ Город, как и человек, имеет свою генетику; город это организм. Тот, кто работает преемственно, чувствует или знает генетику этого организма, географию и историю города. Надо ли этому учить молодых архитекторов? Как этому учить? Меня раздражает, что в нашем родном ИРНИТУ не преподают историю архитектуры и градостроительства Иркутска; ведь очень многие выпускники остаются работать здесь. Мне кажется, что иркутское градостроительство – и дореволюционное, и послереволюционное, особенно шестидесятники с великими градостроительными идеями – достойно стать если не отдельным предметом, то отдельным курсом в истории градостроительства и архитектуры, возможно – и в истории искусства.

Валерий Цой Сама постановка вопроса немного парадоксальна: в архитектуре, истории и жизни бывают хорошие моменты и плохие, продуктивные или нет в большей либо в меньшей степени. Главное – не стоит каждый раз пытаться основание разрушить, а после, на руинах, что-то идеальное построить. Из каждого времени можно сохранить много хорошего, будь то архитектура или строительство.

НШ Никто не говорит, что надо бульдозером сносить, тут более тонкие материи. В любой ситуации, используя термин «преемственность», можно обосновать все, что угодно.

ЕГ Все-таки критерии есть: как здание вписывается в окружающую застройку, какое отношение имеет к ландшафту.

Алексей Куковякин Я считаю, что преемственность – это большое философское понятие. Жизнь, развитие и старение зданий и стилей идут в определенной последовательности. Если Венецию хорошо почистить, отреставрировать и покрасить – кто туда поедет тогда? Я всегда получаю огромное удовольствие от ее старения. Деревянное зодчество стареет и привлекает художников, потому что дерево стареет удивительно: оно сначала светлое и чистое, потом темнеет и сереет, но остается красивым. От хрущевок удовольствия ты не получаешь, хотя оно стареет, обрастая средой внутри и снаружи. Мы предлагали реновацию одного из кварталов города Екатеринбурга, там хрущевская застройка панельными и кирпичными домами. Люди, которые переделали хрущевки, настолько дорожат этим местом, что не только выезжать оттуда не хотят, но и не видят ничего хорошего в новостройках. Современные квартиры от 25–35 кв. м не идут ни в какое сравнение... Я видел дом-капсулу К. Курокава и понял, насколько там все рационально. Он шел от японской архитектуры и эргономики, от устоявшихся тысячелетиями жизненных привычек – это удивительно, как они в таких маленьких пространствах не просто помещаются, а чувствуют себя комфортно, чего мы еще не научились делать. Я видел Накагин в 2011 году и заметил, что он постарел: металл заржавел, стал не очень презентабельным, но, когда на него смотришь, он излучает приятные ощущения идеи. Хрущевские дома такого не излучают. А я считаю, что это тоже преемственность: это те интеллектуальные материалы, которые мы используем в своем творчестве. Как к ним относиться? Сейчас я сам пришел к системе типизаций, хотя этот принцип я отрицал с самого начала своей архитектурной деятельности. Я считаю, что у нас, у архитекторов, это генетически заложено. Как говорил Ф. Л. Райт, архитектор в 40 лет знакомится с тем, что такое архитектура, в 50 лет он «на пороге комнаты», а в 60–70 лет он начинает творить легко и свободно. Может, архитектор начинает

понимать свою преемственность, когда он созрел и прошел все эти этапы?

Петр Анисифоров Много раз я слышал, что советское градостроительство было самым лучшим в мире. Как по вашему мнению, правда ли это? Действительно, в то время многие нормы соблюдались, чтобы человеку сделать лучше: и сохранение зелени, и пешеходные связи, которые зачастую сейчас рушатся, и несоблюдение норм.

НШ Люди, которые продвигают новое отношение к мастер-плану, каждый раз употребляют термин преемственность. Например, снесут 5 пятиэтажек и построят сорокатрехэтажный дом, ссылаясь в этот момент на преемственность: дескать, сделали все, как было, только лучше – это же все ложь и обман.

АМ Преемственность в градостроительстве всегда выражается в рублях. В Иркутске строили мост за 4 млрд рублей. Перенос красных линий застройки – сумма тоже исчислялась в рублях. Поэтому лучше преемственность в градостроительстве сохранять и намеченные красные линии лучше сохранять. Наш Байкальский луч захлебнулся, когда застройщики, забыв о преемственности, вышли на берега водохранилища без учета водоохранных зон, красных линий, отрицая градостроительную историю. Отсутствие преемственности привело к отсутствию инженерной, транспортной, социальной инфраструктур. В моей практике бывали редкие случаи, когда давали деньги под реализацию крупных проектов. Зависит от нас: как мы умеем объяснять, рассказывать, аргументировать. Мне пришлось поработать в Чечне, и там шли дискуссии о преемственности. Мне говорили: мы вас победим, потому что вы «Иваны, не помнящие родства». В свое время меня это очень сильно заводило и обижало.

АГ Мы себя немного загнули терминологически. Понятие преемственности слишком общо. И стоит в данном случае заменить этот термин на «традиционализм». Тогда будет уже труднее эксплуатировать отрицание, которое возможно в преемственности. Возникает четкий вопрос: насколько современная сибирская архитектура в традиции архитектуры шестидесятников? Здесь можно

ответить: несмотря на то, что вы всех так сильно любите, проектируете вы не так! Или наоборот.

АК А как развивался Иркутск? Скорее всего, он развивался именно так, как Андрей нам описал историю Байкальского луча. Это была малоэтажная застройка, как и во многих городах на реках. Комфортность и определенный уклад жизни люди видели именно в этом. Здесь есть определенный историзм. Что сейчас подразумевается под понятием комфортности? Были ли комфортны хрущевки или та же самая башня Накагин? Мы же говорим о комфортности как о понятии, а здесь совсем другое. Например, социальное жилье в Голландии называется коворкинги (это совсем другое, а он никак не отвечает, как это правильно называется!), а у нас – коммуналки. Это была возможность людям дать жилье, а потом название перешло на хрущевки.

ЕГ Задача архитектора на определенном месте сделать людей счастливее. Люди, которые переселялись из подвалов, барачков и коммуналок в хрущевки, становились счастливее.

АГ Коммуналки и бараки, казалось бы, совершенно одинаковая ситуация. Но есть одна тонкость: барак – это временное жилье, а коммуналка – как правило, уплотненная и некачественная жизнь в качественном жилье.

НШ Если барак стоит, то он только своей смертью может умереть. Бараки стоят по 100–200 лет по всей России. И счастье для людей – теплый туалет.

Александр Седиков Действительно, иногда мы применяем понятие «преемственность» там, где не хватает денег на некоторые вещи. Томск, как и другие города, развивался по плану Гесте. Конечно, планировку центральной части города сохранили, но, к сожалению, эта преемственность явилась тормозом для нормального развития города. У нас не было никакой промышленности, пока не нашли нефть, и тогда город начал развиваться. Эта стагнация спасла, по крайней мере, центральную часть Томска. У нас великолепно представлено деревянное зодчество; каменного поменьше. Основная планировочная структура, которая была заложена в XVIII веке, в настоящее время продолжает существовать. Несмотря

на то, что центр города занимает всего 5% территории города, деловая активность в центре достигает 95%. Подчас возникают серьезные проблемы. Например, у нас есть улица Красноармейская, которая обозначена на всех генеральных планах, которая построена по Гесте; здесь от преемственности мы никуда не денемся. Эта улица в красных линиях является городской магистралью, но по ее краям находится несколько архитектурных памятников регионального, муниципального и федерального значения. Что с этой ситуацией делать – совершенно непонятно. Возможно, мы были бы рады перенести памятники, сделать красные линии согласно нормативам, но и денег для этого нужно много. Именно поэтому и говорится о том, что в таких местах занимаются преемственностью. Таких вещей много. Реплика по поводу образования. У нас архитекторам очень много преподают старую эпоху, а шестидесятников не знают... У меня студентка делала работу по модернистам Томска, а у нас их практически не было. Она с диким восторгом смотрела все, что сделал Андрей Макаров. Традиций мы придерживаемся во многом, но какое-то денежное выражение имеет место.

АК В хрущевское время стратегию строительства определяла экономика: быстрые вводы жилья, короткие сроки проектирования и строительства, определенный стандарт дешевого жилья, определенная строительная индустрия, плановое хозяйство... В конце 1990-х и начале 2000-х появляются застройщики, появляется частный заказчик и девелоперы. Появляется новая идеология. А каковы лозунги? Эффективность определяется определенными постулатами: быстрые сроки проектирования и строительства, низкая себестоимость строительства, определенный формат жилья, цифровизация. Практически те же самые лозунги, которые привели к краху в 2000-х до такой степени, что из градостроительного кодекса типовое проектирование было убрано как категория. Преемственностью теперь называют те же самые старые лозунги, чтобы дать новое направление в строительстве жилья. Это не преемственное развитие идеологии типизации, а ее уничтожение. Традиционная экономика – не тот фактор. Сейчас другой взгляд на экономику.

ЕГ В «Российской газете» главный архитектор одного известного нашего мегаполиса говорил, что «мы уже несколько раз пытались убрать понятие инсоляции из норм, но нам пока не дают». Потому что в России другие традиции.

АК Я делал проект для Краснодара, и когда пытался обосновать принципы своего проекта вынужденной необходимостью инсоляции, взгляд инвестора был очень интересным: «У нас летом иногда до 60 градусов нагревается помещение, если его не защищать от солнца, а ты мне инсоляцию подсовываешь!» У меня спор возник с Роспотребнадзором: инсоляция – это когда на 2 часа открываешь окно и убиваются в комнате все бактерии. И я спрашивал, как вы это представляете в Екатеринбурге в декабре. Это формализм, который определяется экономикой. Если окна выходят на север, то стоит эта комната дешево. Это вопрос статуса застройки и, возможно, своего рода капитализм.

МТ Добавлю реплику не по теме, но ассоциативно связанную с нашим разговором. В свое время я интересовалась испанским языком. В нем есть простое понятие «ventana» – окно. У нас этимология совершенно понятна: смотреть – «око» – «окно». В испанском же – «ветер». Понятие света с окном никак не связано; это совсем другие корни и непрочитаемые традиции, о которых мы можем не знать. У нас когда-то на Дискуссионном клубе было обсуждение проблемы духа места, времени. Рассуждая об Иркутске, Константин Лидин говорил о своеобразной хорошей характеристике: Иркутск – суровый герой, город с не очень приветливой атмосферой. Он, в отличие от Венеции, не очень открытый, но, тем не менее, эту глубоко сидящую традицию трудно перебороть. Необрутализм и советский модернизм ей очень соответствуют. Если смотреть на традицию преемственности в этом смысле слова, то можно говорить не только о формальных признаках и не только об экономических возможностях, но и о том, совпадает ли она с ощущением духа места, архитектуры, города. Современная массовая застройка не совпадает.

ЕГ Региональность – это актуально для России. В советских нормах была дифференциация: различия

Краснодара, Мурманска, Камчатки, Иркутска учитывались. Нивелирование особенностей в нормах, действующих на территории огромной страны, которая находится в разных климатических зонах – абсурдно и вредно. Вопрос о нормах актуальный: на них идут гонения, иногда справедливые, иногда абсурдные. В этом году нам были продемонстрированы рекорды быстроты возведения больницы, и это была вынужденная необходимость. Страшно, если быстрота превратится в некую моду: когда не нужно соблюдать нормы и проходить экспертизу, качество архитектуры низводится до уровня палаточного строительства.

АГ Можно ли говорить о единой российской архитектурной школе, которая должна проявляться везде, во всех регионах, или есть локальные истории? Архитектура Павлова – это история, имеющая конкретную временную привязку и только историческую ценность? С точки зрения воспроизводимости, где она? Где эта особенность разных городов при том, что сейчас массовой однопроектной застройки практически нет?

ЕГ Я глубоко убеждена, что чем больше региональных школ, чем они в большей степени особенные, тем лучше для России.

АГ Можно вспомнить концепцию культурных гнезд.

ЕГ Для меня Байкальский регион – все более особенная территория, несмотря на то, что силовыми методами административно оторвали Бурятию и Забайкальский край, отнесли к другому федеральному округу. ПРОЕКТ БАЙКАЛ, если вы заметили, все чаще и чаще делает блок «Байкальский регион».

ПА Позвольте не согласиться относительно региональных школ. Если рассматривать преемственность, то у нас во все века была Императорская Академия художеств, где готовили великих архитекторов. Сейчас в каждом регионе есть ВУЗы, где готовят архитекторов и дизайнеров, а потом эти выпускники проектируют по всей России, то есть распространяют узорегиональный опыт по всей стране.

АК Вопрос стоит гораздо глобальнее. Мы в институте черпали информацию из учебников и справочников,

а сейчас интернет очень большой объем информации об архитектуре, стилистиках, идеологиях предоставляет всем.

ПА Живой преподаватель и интернет несовместимы. В архитектуре опытный мастер может донести до ученика информацию только в непосредственном общении так же, как и в художественном образовании вообще.

АК Интернациональный стиль, который пошел во всем мире – итог распространения интернета. Люди получили большой поток информации, они ориентируются на лучшие примеры и отталкиваются от них. Но эти примеры не всегда связаны преемственностью.

МТ Так и происходит стандартизация: все выравнивается в одну линейку по горизонтали.

АК В архитектуре происходит то же, что и в профессиональном футболе: уже нет аргентинской, бразильской, грузинской национальных традиций, даже нашей школы нет. Все нивелировалось. С одной стороны, это страшно, с другой стороны – это этап. Может быть, люди вернуться, когда это осознают и придут к более глубокому пониманию ценности территории, идеологии и культуры. И мы получим новый виток.

ЕГ Тем не менее, поиск идентичности, особенности явно активизируется. И даже коронавирус, который привел нас к изоляции, тоже на это работает. Конкуренция городов, конкуренция в сфере туризма внутри страны усиливается, ведет к поиску индивидуальности: «Я особенный – поэтому приезжайте ко мне».

АК По спирали мы придем к совершенно другому решению – комфортабельному, иному идеологическому и стилистическому решению. Возможно, возрастет ценность городов; ведь высказывалась идея, что не будет стран, а появятся крупнейшие агломерации. Она, правда, сейчас уходит.

ЕГ По мнению отсутствующего сегодня Лидина, она (самодостаточность городов), наоборот, приходит.

ЭК История и пути преемственности сложны, запутанны и непредсказуемы; так, через много опосредований конструкция классического корабля «Space Shuttle» свя-

зана с размером лошадиных крупов и боевых колесниц Древнего Рима. Я думаю, мы все сейчас так спорим, потому что находимся внутри процесса. А если бы мы отделились, то Павлов, сломавший десяток домиков на месте, где построил какой-нибудь свой шедевр, через 500 лет будет восприниматься как абсолютная преемственность. Вот слова Нормана Фостера: «Прежде, чем что-либо строить – слушайте город, а прежде, чем что-либо сносить – слушайте сердце». В сердце должна быть преемственность.

НШ И это говорит Фостер, который не знает, что такое преемственность, традиций не соблюдает, ходит только с бульдозером и «бой-бабой» по всему миру и делает какие-то страшные и чудовищные вещи!

Владимир Авксентюк Я много работал для БАМа. Его бурятский участок входит в Байкальский регион. Вокзал – это визитная карточка города, поэтому вид его должен быть индивидуальным, должен отражать какие-то особенности города. Вот в Нижнеангарске я делал «Байкальскую волну». Но я старался сделать так, чтобы они были русские, учитывая, что железная дорога традиционно воспринимается в традициях русской культуры. А сейчас снесли 2 вокзала из моих примерно 15 под предлогом модернизации.

ЕГ Вопрос: что выживет, а что не выживет из архитектуры советского модернизма? Одно дело – панельная типовая застройка, но есть индивидуальные здания, есть здания повторного применения, которые сейчас находятся под угрозой только потому, что сильный застройщик, сильный бизнес освобождают себе площадки под строительство. А взаимосвязь тех, кто принимает решения, и бизнеса – серьезная. Вот, к примеру, вопрос о сносе кинотеатра «Чайка», который молодежь присмотрела под свой дворец. Это нормальное здание советского модернизма: стоит хорошо, и не верится, что оно разрушится, потому что тогда строили почти безупречно. Слышала, что хотят сносить «Сибэкспоцентр». Его автор В. Ф. Бух считал, что это временное решение, а на его месте с развитием БЭФа (который мы так некстати потеряли) будет гораздо более серьезная постройка. Намерение снести это здание сейчас продиктовано желанием освободить

площадку под то, что никуда не вмещается либо просто застроить коммерческим жильем. Сибэкспоцентр как архитектурное сооружение никого не раздражает, стоит достаточно удачно, и, более того, это здание универсально: его можно использовать под многие современные функции. А ведь универсальность – тренд, это именно то, к чему стремится современная архитектура. И не такие уж мы богатые, чтобы сносить нормальные здания. То же самое происходит с вокзалами советского периода. В Иркутске немало примеров, когда чистая и лаконичная архитектура 1970-х и 1980-х годов превращается реконструкцией в китч.

ЭК Это вопрос вкуса заказчика, который превращает архитектуру в китч. Мне показалось, что делается это не со зла. Например, мой сосед по даче взял и обшил свой деревянный дом сайдингом. Но ведь это его дом. Я подумал: неужели он так ненавидит своих предков, которые сделали этот хоть и незатейливый, но очень ему родной деревянный сруб? На самом деле это тоже вопрос преемственности: он хочет сохранить этот дом, он думает, что, если оденет его в такую пластиковую броню, дом проживет гораздо дольше. Возможно, ему просто не хватает вкуса, но он точно не отказывается от своей истории.

АК Изменилась технология жизни самих объектов. Она меняется достаточно серьезно. Как с этим быть? Здесь должна быть культура сохранения и развития, получение новых технологий и решений, очень высокая культура архитектора, которая базируется на его профессионализме, то есть традиции. А ее-то нам как раз не хватает.

ЕГ Сосед Эдуарда «улучшил» свой дом сам, не руками архитектора. А то, что делается в городах – как правило, делается с участием наших коллег.

Виталий Барышников У нас есть уникальный объект культурного наследия в Байкальском регионе – Кругобайкальская железная дорога, 790 подохранных объектов: деревянные вокзалы, путевые домики и т. д. Это все типовые проекты, разработанные для нужд Транссибирской железной дороги. А вот образцовые фасады – это следующий этап, который был в Иркутске внедрен еще при Екатерине II, когда попытки строить выше двух этажей были пресечены образцовыми фасадами, хотя

это не только иркутская, но российская история. Как эти ограничения, заданные государством, обходили иркутяне? У нас появились с фасада одноэтажные дома, а на самом деле со двора, по сути, двухэтажные с мансардой. Такое вот народное творчество. По поводу традиций. Изначально Иркутск был построен как острог и развивался от острога на Байкал (Заморский тракт, Байкальский тракт), потом осваивалась река как самая доступная транспортная артерия. Получается, что Байкальский луч основан на традиции развития еще острожного города. Иркутск за 25 лет стал из острога городом как раз благодаря движению на восток. Что это – традиция? Байкальский луч – это традиция. Шестидесятники ее поймали, сформулировали и вытащили. Далее трагедией XX века стал объект, который изменил все Прибайкалье – это плотина ГЭС. Раньше река не воспринималась как препятствие. Да, она воспринималась как стихия, потому что зимние наводнения Иркутска существовали, и их боялись. Сегодня иркутяне Ангары не видят; гости восхищаются, а мы ее не воспринимаем.

Горожане давно хотели мост, который связал бы правый и левый берег. И в 1930-е годы он появился, хотя вокзалу к тому времени было практически уже 30 лет. Потом появилась плотина, и только сейчас мы возвращаемся к воде. Сейчас попытка застроить набережную – это традиция еще XIX века. Проект «Иркутские кварталы», который вырос из 130-го квартала, имеет немного другой смысл: вернуться к экономике, попытаться найти культурные коды, которые характерны для Иркутска. Деревянное зодчество, зодчество XX века должны превратиться в элемент архитектуры, сохраняя не столько сам материал и объемно-планировочные решения, сколько некую традицию, некий культурный код: элементы, орнаменты. По поводу унификации, глобализации и, в особенности, возвращения. Мне кажется, что мысль идет быстрее, чем архитектура. Наши архитекторы, строящие высотки, во-первых, стараются сделать их не типовыми, попытаться дистанцироваться от массовой застройки, а второе – они ориентируются на мировые образцы 1980-х годов, которые уже отстают от сегодняшней мировой архитектуры. Туризм и креативная экономика превращают ценность, в том числе экономическую, в непохожесть.

Попытки быть непохожими, отделиться от всего на свете все равно не получатся, поэтому надо либо оттолкнуться от всего чужого, опираясь на свою традицию – деревянное зодчество, павловскую архитектуру, либо не принимать во внимание и эту традицию. В художественном творчестве это реализуется гораздо быстрее. Режиссеры в московских театрах, по моему мнению, делают спектакли по принципу провокаций, по принципу «возмутить общественный вкус». Хорошо, что в архитектуре так не делают, что в ней нет эпатажа. Буквально на днях я общался с землячеством Байкала, и мне задали такой вопрос: как смотрят иркутские архитекторы и власти, чтобы землячество Байкал инициировало тему увековечения памяти Павлова в виде мемориальной доски? Как вы к этому относитесь?

ЕГ Мы смотрим на это в высшей степени положительно. Уже готов эскиз мемориальной доски для представления на согласование комиссии по топонимике, получен грант Союза архитекторов России на размещение информационной доски на стене Дома на набережной, который был признан лучшей постройкой СССР в 1987 году.

Факт звонка наших с вами земляков, живущих много лет в Москве, говорит о многом. О том, что времена меняются, и уже не только профессионалам становится очевидна ценность архитектуры Павлова для Иркутска. Сегодняшний разговор о преемственности получил достойное завершение благодаря этой новости.